

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1938](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938)

Б. О. Соколов, М. А. Завадская

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ КОВИД-СКЕПТИКОВ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Соколов Б. О., Завадская М. А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410—435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938>.

For citation:

Sokolov B. O., Zavadskaya M. A. (2021) Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 410–435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938>. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ КОВИД-СКЕПТИКОВ В РОССИИ

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILES, PERSONALITY TRAITS, VALUES, AND ATTITUDES OF COVID-SKEPTICS IN RUSSIA

СОКОЛОВ Борис Олегович — кандидат политических наук, заведующий и старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: bssokolov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

Boris O. SOKOLOV¹ — Cand. Sci. (Polit.), Laboratory Head and Senior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: bssokolov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

ЗАВАДСКАЯ Маргарита Андреевна — PhD, научный сотрудник факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: mzavadskaya@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3728-4073>

Margarita A. ZAVADSKAYA^{2,1} — PhD, Research Fellow at the Faculty of Political Sciences; Senior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research

E-MAIL: mzavadskaya@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3728-4073>

Аннотация. В работе изучаются социально-демографические, личностные, ценностные и идеологические различия между ковид-скептиками и остальным населением Российской Федерации. Эмпирической основой исследования выступают материалы первой волны международного опроса «Ценности в кризисе» (ЦВК) по России (сбор данных осуществлялся в середине июня 2020 г.; $N = 1527$). Ковид-скептицизм операционализируется как поддержка утверждения о том, что пандемия коронавируса является мистификацией, а введенные ограничительные меры — чрезмерной реакцией на про-

Abstract. In this study, we explore how various socio-demographic attributes, personality traits, values, and attitudes of COVID-19 skeptics differ from those of the rest of the Russian population. We use data collected during the first round of the international online panel survey “Values in Crisis” (in short ViC; fieldwork mid-June 2020, $N = 1527$). We operationalize COVID-skepticism as support for the idea that the COVID-19 pandemic is a hoax and that all the lockdown measures are a hysterical overreaction, indicated by 38% of our respondents. Basic descriptive tests show that male, middle-aged, and less educated

¹ HSE University, Saint Petersburg, Russia

² European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

исходящее. С таким утверждением согласились 38% респондентов ЦВК. Описательные статистики показывают, что среди отечественных ковид-скептиков в большей степени представлены мужчины, лица среднего и старшего среднего возрастов, а также респонденты без высшего образования. Непосредственное столкновение с заболеванием ассоциируется с меньшим уровнем скептицизма, тогда как негативный экономический опыт во время пандемии (например, потеря работы) имеет обратный эффект. Не удалось обнаружить каких-либо различий между скептиками и нескептиками в плане «большой пятерки» личностных черт. При этом скептики демонстрируют более высокие значения по шкале ценностей открытости изменениям и более низкие — по шкале ценностей сохранения (в терминах Ш. Шварца). Кроме того, для них более характерно неприятие глобализации, международного сотрудничества и миграции. Представители этой группы также в меньшей степени склонны доверять другим людям и традиционным СМИ, однако не отличаются от остального населения по уровню религиозности. Одним из наиболее интересных результатов является тот факт, что ковид-скептики значительно меньше доверяют правительству, здравоохранительной системе и национальным институтам в целом, а также гораздо хуже оценивают деятельность правительства по противодействию пандемии.

Ключевые слова: COVID-19, ковид-скептицизм, теории заговора, базовые ценности Шварца, «большая пятерка» личностных черт, институциональное доверие

respondents are more likely to express skeptical views of the pandemic. The direct experience of the disease, quite predictably, decreases the likelihood of being coronaskeptic, whereas encountering negative economic consequences of the pandemic has the reverse effect. Interestingly, no systematic differences between skeptics and non-skeptics in the “Big-5” personality traits are visible in our data. At the same time, the coronaskeptic group has consistently lower scores on Schwarz’s conservation values and higher scores on openness to change values. COVID-19 skeptics also tend to oppose globalization, international cooperation, and migration. They are slightly less trusting of other people and traditional media, less proud of being Russian citizens, but do not differ from non-skeptics in terms of religiosity. Perhaps the most striking finding is that this group demonstrates much lower levels of confidence in government, health system, and national institutions, and also evaluates the government’s performance in handling the COVID-19 crisis much more critically.

Keywords: COVID-19, coronavirus skepticism, conspiracy theories, Schwartz’s basic values, “Big Five” personality traits, institutional trust

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).

Введение

Многочисленные слухи и теории заговора окружают пандемию коронавируса с самого ее начала [Stein et al., 2021; Ball, Maxmen, 2020]. Широко известными стали такие сюжеты, как распространение вируса через вышки 5G-связи [Ahmed et al., 2020] или «план Билла Гейтса» по сокращению численности населения и массовому «чипированию» через вакцинацию [Shahsavari et al., 2020]. Во многом этому способствовали недостаток информации о заболевании и неизбежная противоречивость поступающих буквально «в прямом эфире» научных данных. Впрочем, даже хорошо изученные болезни зачастую сопровождается шлейф слухов и недоверия — в этой связи можно вспомнить распространенный в России феномен СПИД-диссидентства [Бобровская, 2017; Рыков, Meylakhs, Sinyavskaya, 2017].

Подобные теории представляют значительную угрозу общественному благополучию. Политики и чиновники, не верящие в существование вируса или недооценивающие его опасность, могут препятствовать своевременному введению мер по борьбе с заболеванием или продвигать неадекватные варианты реагирования на ситуацию. Ковид-скептики среди простых граждан, в свою очередь, в меньшей степени склонны соблюдать элементарные меры предосторожности (например, ношение масок или социальное дистанцирование) и с большей вероятностью отказываются от вакцинирования, тем самым ставя под угрозу как собственное, так и чужое здоровье [Stein et al., 2021; Imhoff, Lamberty, 2020].

В постсоветской России теории заговора, посвященные самым разнообразным темам, получили широкое распространение [Яблоков, 2020]. Не обошли они стороной и такую злободневную тему, как пандемия COVID-19: исследование группы «Мониторинг актуального фольклора» зафиксировало в российских социальных сетях за 2020 г. почти 2 млн (1 951 143) репостов слухов, псевдомедицинских советов, конспирологических трактовок новостей и панических предупреждений о так и не случившихся событиях [Архипова и др., 2020]. И это при том, что методика подсчета учитывала только сообщения, находящиеся в открытом доступе, и исключала частную переписку. В проводившемся в июле прошлого года опросе Фонда «Общественное мнение» только 12 % респондентов прямо заявили, что считают коронавирус выдумкой, однако тех, кто отметил наличие ковид-диссидентов в своем окружении, было 44 %¹. Согласно данным ВЦИОМ, весной 2020 г. 17 % населения страны считали, что главной причиной распространения вируса стали халатность или безответственность, а 11 % назвали в качестве таковой искусственное происхождение вируса. Важно, что вопрос был открытым; по мнению главы исследовательской

¹ Закутина Е. «Не верю!» — социологический портрет ковид-диссидента // коронаФОМ. 2020. 24 июля. URL: <https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta> (дата обращения: 22.12.2021).

организации Валерия Федорова, наличие подсказки могло бы увеличить число сторонников теории искусственного происхождения вируса². Даже среди студентов ведущих университетов страны, которые вроде бы должны в большей степени владеть навыками критического мышления по сравнению со среднестатистическими гражданами, доля склонных верить слухам о коронавирусе, по некоторым оценкам, может превышать 15% [Климова, Чмель, Савин, 2020].

Хотя по мере развития пандемии и увеличения числа людей, непосредственно столкнувшихся с болезнью, скептиков, по идее, должно становиться меньше, даже в феврале 2021 г. 64% респондентов «Левада-Центра» высказали мнение, что коронавирус был искусственно создан как новая форма биологического оружия. Лишь 23% считали, что вирус возник естественным путем³. Столь широко распространенный скептицизм в отношении самого заболевания неизбежно сопровождается и пренебрежением к соответствующим требованиям эпидемиологической безопасности. В конце декабря 2020 г. другой опрос «Левада-Центра» показал, что 41% жителей России не боятся заразиться новым вирусом⁴. Чуть ранее, в начале ноября, только 57% респондентов отметили, что стараются соблюдать социальную дистанцию; иные меры по снижению риска заражения (воздержание от посещения общественных мест и т. д.) и вовсе практиковали менее половины опрошенных. Фактически единственной массово принятой населением эпидемиологической рекомендацией является ношение медицинской маски (следовали 92% опрошенных)⁵. ВЦИОМ в тот же период давал несколько более оптимистичные данные о соблюдении гражданами конкретных рекомендаций, но кардинально ситуацию они не меняли [Кочкина, 2020: 24].

Кроме того, фокус массового недоверия постепенно распространился с самого заболевания на действующие или планируемые правительственные меры по борьбе с ним, например вакцинирование. В августе 2020 г. 54% респондентов «Левада-Центра» с недоверием относились к разрабатываемым в стране вакцинам и не планировали прививаться; в декабре таких стало 58%; а в феврале 2021 г. — уже 62%!⁶. Согласно опросу ВЦИОМ, в конце прошлого года подобные настроения разделяли 52% россиян (70% — среди молодежи в возрасте 25—34 лет)⁷. При этом тенденцию на рост недоверия вакцинам не смогли переломить даже наступление второй волны и общее ухудшение ситуации с числом заболевших и погибших.

² Глава ВЦИОМ объяснил популярность версии искусственного происхождения коронавируса // ТАСС. 2020. 18 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8503159> (дата обращения: 22.12.2021).

³ Коронавирус: вакцина и происхождение вируса // Левада-Центр. 2021. 1 марта. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaktina-i-proishozhdenie-virusa/> (дата обращения: 22.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

⁴ Коронавирус: страхи и вакцина // Левада-Центр. 2020. 28 декабря. URL: <https://www.levada.ru/2020/12/28/koronavirus-strahi-i-vaktina/> (дата обращения: 22.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

⁵ Коронавирус: страхи и меры // Левада-Центр. 2020. 2 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/02/koronavirus-strahi-i-mery/> (дата обращения: 22.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

⁶ Там же.

⁷ Вакцинация: ключ на старт! // ВЦИОМ. 2020. 23 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-kljuch-na-start> (дата обращения: 22.12.2021).

Можно констатировать, что в российском обществе существует значительная прослойка людей, которые с разной степенью сомнения относятся как к коронавирусу, так и к государственной политике в области противодействия пандемии. Кто эти люди и что отличает их от тех, кто относится к пандемии всерьез? Обуславливается ли склонность к конспирологическому мышлению социально-демографическим бэкграундом? Или большую роль играют индивидуальные психологические особенности, а также ценности и социально-политические установки? В настоящей работе предпринимается попытка ответить на эти вопросы, для чего используются материалы первой волны международного исследовательского проекта «Ценности в кризисе».

Обзор литературы

Хотя сам по себе феномен ковид-скептицизма возник чуть более года назад, теории заговора, распространяющиеся вокруг некоего кризисного события, давно изучаются социологами, антропологами, исследователями медицины и психологами [van Prooijen, van Vugt, 2018] и имеют много общего. Существующие наработки в определенной степени можно распространить на случай пандемии COVID-19. В целом детерминанты скептического отношения к пандемии логично разделить на три группы: (1) индивидуальные характеристики, (2) ценности, нормы и установки, (3) социальный контекст [van Mulukom et al., 2020]. Факторы индивидуального уровня включают в себя личностные психологические черты и демографические характеристики (пол, возраст и т. д.). Факторы, входящие во вторую группу, связаны с влиянием доминирующих в ближайшем социальном окружении человека норм, ценностей, верований и установок, в том числе таких как отношение к научному знанию, стили мышления (*thinking styles*) [Lazarević et al., 2021] и когнитивные искажения (*cognitive biases*) [Čavojová, Šrol, Jurkovič, 2020]. Наконец, факторы социального уровня — это групповые идентичности, в том числе политические и идеологические, уровень институционального и межличностного доверия в стране проживания, а также политический контекст и повестка СМИ, включая социальные сети.

Есть несколько разновидностей конспирологических теорий, касающихся COVID-19. Авторы одного из обзоров по теме выделяют три основных типа [van Mulukom et al., 2020], границы между которыми, впрочем, достаточно размыты. В первый тип объединяются теории, которые так или иначе преуменьшают опасность вируса и пандемии: представляют COVID-19 как мистификацию (так называемые *hoax theories*), отрицают само существование вируса или утверждают, что коронавирус является не более опасным, чем обычный грипп (так называемая *flu theory*). Второй тип составляют идеологемы, предполагающие целенаправленное изобретение и/или распространение вируса с целью получения материальных или политических выгод (коронавирус как секретное биологическое оружие, военная разработка, результат заговора «Большой фармы», элемент политики по установлению нового мирового порядка). Наконец, третий тип — это модели, которые помещают пандемию в контекст изначально не связанных с ней конспирологических нарративов (негативные последствия распространения 5G-сетей, «заговор Билла Гейтса» и т. д.).

Стоит отметить, что ковид-скептицизм может иметь различные оттенки и степени. Наиболее радикальную его форму транслируют так называемые ковид-отрицатели, или ковид-диссиденты⁸, подвергающие сомнению сам факт существования вируса. Непосредственно под «ковид-скептиками» далее понимаются индивиды, которые в целом признают наличие вируса, но не считают его достаточно опасным или не соглашаются с принимаемыми национальными правительствами мерами по борьбе с пандемией, считая их избыточными.

Ковид-скептицизм тесно связан со склонностью к конспирологическому мышлению (conspiracy thinking) [Douglas et al., 2019] — своеобразному компенсаторному механизму, позволяющему создать иллюзию контроля над происходящим в условиях низкого уровня социального доверия и высокого уровня неопределенности [Imhoff, Lamberty, 2020; Miller, 2020]. Ковид-скептицизм можно рассматривать в рамках более общего феномена медицинского дениализма (denialism), то есть совокупности теорий и практик отрицания авторитета медицинской науки и выражения недоверия институтам здравоохранения [Diethelm, McKee, 2009]. Наиболее ярким частным примером здесь является СПИД-диссидентство, отрицающее существование самого заболевания или опасность его последствий [Heller, 2015; Rykov, Meylakhs, Sinyavskaya, 2017]. В целом отрицание медицинского экспертного знания связано как с (1) проблемами национальных систем здравоохранения и низким уровнем их эффективности, так и с (2) индивидуальной склонностью к конспирологии [Barkun, 2003].

Имеющиеся свидетельства не позволяют сделать однозначного вывода о роли таких социально-демографических факторов, как пол и возраст, но при этом предполагают, что низкий доход и недостаточно высокий уровень образования способствуют поддержке конспирологических представлений о COVID-19 [van Mulukom et al., 2020]. Индивиды с высокими показателями по шкале нарциссизма больше склонны принимать и распространять теории заговора, связанные с коронавирусом [Nowak et al., 2020]. Приверженцы ковид-диссидентских взглядов чаще поддерживают картины мира, отличающиеся от научного мейнстрима или даже прямо ему противоречащие [Schmid, Schwarzer, Betsch, 2020].

Также было обнаружено, что консерваторы чаще либералов демонстрируют ковид-скептицизм (например, в США, Турции и Бразилии). Это связывается с тем, что первые хуже распознают недостоверную информацию [Uscinski et al., 2020]. Кроме того, существуют свидетельства, что ковид-отрицателями с большей вероятностью становятся люди с левыми политическими взглядами и религиозные граждане [Achimescu, Sultanescu, Sultanescu, 2020]. Связь религиозности и скептического или даже диссидентского восприятия коронавируса находит подтверждение в российской истории пандемии: весной 2020 г. многие представители Русской православной церкви и ее активные прихожане были последовательными оппонентами вводимых властями ограничительных мер⁹, а некоторые радикалы —

⁸ Данный термин имеет в целом более размытые рамки, однако в настоящей работе — во избежание ненужной терминологической путаницы — он используется как синоним «ковид-отрицателей». Оба этих понятия являются частными случаями более общего феномена ковид-скептицизма.

⁹ Лученко К. Широко закрытые двери. Что случилось с русской церковью во время пандемии // Московский центр Карнеги. 2020. 30 апреля. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81681> (дата обращения: 22.12.2021).

наподобие схимонаха о. Сергия — даже выступали с открытой критикой Владимира Путина на почве антиковидных настроений¹⁰.

Другие исследования указывают, что доверие правительству и институтам здравоохранения, а также доверие экспертному знанию, являются значимыми предикторами соблюдения ограничений и карантина [Rothmund et al., 2020; Макушева, Нестик, 2020]. Есть свидетельства корреляции между ковид-скептицизмом и националистическими и шовинистическими взглядами, а также прямой агрессией в адрес аутгрупп, ассоциирующихся в массовом сознании с пандемией (китайцев или просто иностранцев) [Dhanani, Franz, 2021; Croucher, Nguyen, Rahmani, 2020].

Наконец, немаловажную роль в распространении ковид-отрицания сыграли СМИ и социальные сети. Феномен бесконтрольного распространения недостоверной информации о пандемии COVID-19 получил название «инфодемия» [Архипова и др., 2020]. Конспирологические теории в целом успешно распространяются по различным каналам — как неформальным (частная коммуникация или соцсети), так и вполне респектабельным (традиционные СМИ). Этому способствует типичный формат их презентации, предполагающий эмоциональность и обращение к чувству опасности или групповой идентичности [Törnberg, 2018; Valenzuela et al., 2019]. Кроме того, распространение информации через соцсети обычно не сопровождается детальной проверкой ее достоверности (фактчекингом) [Cinelli et al., 2020].

Следует отметить, что исследования ковид-скептицизма и теорий заговора, относящихся к пандемии, — это новая научная область, пусть и активно развивающаяся. Ей во многом недостает систематичности — как в плане имеющихся эмпирических результатов (порой противоречащих друг другу), так и их теоретического осмысления. Поэтому в настоящей статье не формулируются эксплицитные, теоретически фундированные гипотезы или ожидания относительно того, какие факторы в наибольшей степени связаны со склонностью к скептическому восприятию пандемии в российском контексте. Вместо этого акцент делается на разведывательном анализе доступных данных по России и составлении своего рода эмпирического «портрета» типичного отечественного ковид-скептика.

Данные

В работе используются материалы первой волны международного проекта «Ценности в кризисе» (англ. *Values in Crisis*; далее — ЦВК), основной целью которого является изучение политических и социальных эффектов текущей пандемии COVID-19 в сравнительной перспективе. В рамках проекта ведется сбор данных в России и ряде других стран (в том числе Великобритании, Германии и т. д.; всего участвуют 18 государств). Предполагается три волны исследования; на момент подачи статьи в журнал (март 2021 г.) в Российской Федерации была проведена только первая волна. Сбор данных в ходе первой волны осуществлялся с 10 по 16 июня 2020 г. на основе онлайн-панели маркетинговой компании OMI (сертифицированной по стандарту ISO 20252:2019). Так как построение вероятностной выборки в рамках онлайн-исследования невозможно, применялась квотная

¹⁰ Схимонах Сергей потребовал от Путина передать ему власть // Коммерсантъ. 2020. 12 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4415436> (дата обращения: 24.12.2021).

выборка с заданными пропорциями по полу и возрасту. Всего в первой волне участвовало 1 527 респондентов.

Анкета ЦВК содержала следующий вопрос:

«В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер — истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с данными историями?»

Хотя данная операционализация является достаточно узкой и не покрывает все возможные варианты ковид-скептических нарративов, а также смешивает восприятие (а) пандемии как эпидемиологического события в узком смысле и (б) правительственных действий по борьбе с ней, она все же представляется до определенной степени уместной в российском контексте. Согласно процитированным во введении данным группы «Мониторинг актуального фольклора», треть — 644 410 (33%) — от общего числа публикаций в отечественных социальных медиа, транслирующих слухи о коронавирусе, относятся к категории, обозначенной авторами как «Реальной опасности нет, власти используют коронавирус в своих интересах» [Архипова и др., 2020: 243]. Еще 188 656 (9,7%) сообщений принадлежат к содержательно близкой группе «Вакцины, тесты, маски — это способ чипирования или убийства». Иными словами, анализ социальных сетей показывает, что почти половина (42,7%) проблемных постов о коронавирусе в Рунете выражает скептическое и пренебрежительное отношение к самому заболеванию и сопутствующим эпидемиологическим мерам. В этом отношении использованный в ЦВК вопрос все же позволяет выделить множество респондентов, которые в той или иной степени склонны сомневаться в серьезности пандемии и целесообразности борьбы с ней¹¹.

Анкета ЦВК также содержит большое количество социально-демографических, личностных, ценностных и идеологических переменных, равно как и индикаторы, отражающие ситуативный опыт столкновения респондента с пандемией, что позволяет вычлнить эффекты факторов ковид-скептицизма различного уровня: не только индивидуальных, но также групповых и — в некоторой степени — социальных. Необходимо отметить, что данное исследование носит описательный характер и не претендует на установление комплексных причинно-следственных отношений, формирующих индивидуальную склонность к ковид-скептицизму. Поэтому в качестве метода анализа выступают простые статистические тесты (сравнение средних и пропорций) и визуализации, позволяющие выделить основные различия между скептиками и остальным населением России¹².

¹¹ К сожалению, внутри этого множества нельзя разделить простых скептиков, недооценивающих степень угрозы, и радикальных ковид-диссидентов, которые в принципе отрицают существование проблемы и/или верят в разнобразные сопутствующие теории заговора. Признавая проблемный характер вопроса, использованного в ЦВК для измерения ковид-скептицизма, стоит все же отметить, что формулировка была предложена не авторами данной статьи, а разработчиками исходной англоязычной анкеты, и изменить ее в российской версии не представлялось возможным по соображениям поддержания межстрановой сравнимости данных. Какой бы несовершенный характер эта формулировка ни носила, с точки зрения изучения феномена ковид-скептиков в России использование проблемного инструментария представляется лучшей альтернативой, чем отказ от исследования вообще или разработка и реализация собственного опроса (что требует как финансовых ресурсов, так и дополнительного времени, тогда как результаты подобного исследования могут иметь не только научную, но и прикладную ценность здесь и сейчас).

¹² Этому также способствует бинарный характер переменной, измеряющей ковид-скептицизм в ЦВК.

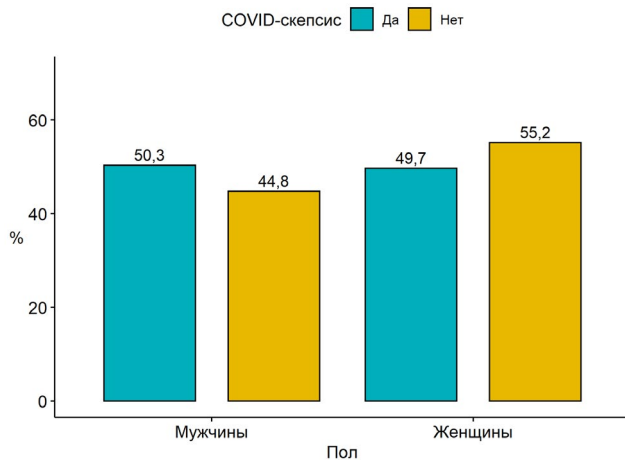
Результаты

37,97% респондентов, представленных в российской выборке ЦВК, согласились с утверждением о том, что пандемия является мистификацией, а ограничительные меры — чрезмерной реакцией на происходящее. По этому показателю Россия находится на первом месте среди всех стран, участвующих в ЦВК. Второе занимает еще одно постсоветское общество — Грузия (36,3% ковид-скептиков). В других странах сомневающихся в серьезности ситуации гораздо меньше: в занимающей третье место по данному показателю Греции скептическую позицию выразили 17,7%, а в Швеции — всего 1,9%¹³. 12,9% российских респондентов также сообщили, что либо сами переболели коронавирусной инфекцией¹⁴, либо имели заболевших близких; 5,7% респондентов отказались отвечать на соответствующие вопросы анкеты¹⁵.

Социально-демографические атрибуты

Среди тех, кто склонен к легкомысленному восприятию COVID-19, доли мужчин и женщин практически не различаются: 50,3% мужчин и 49,7% женщин ($\chi^2 = 0,01$, $df = 1$, $p = 0,91$; см. также рис. 1). Однако среди тех, кто не ставит под сомнение серьезность ситуации с пандемией, мужчин значительно меньше: 44,8% против 55,2% ($\chi^2 = 19,89$, $df = 1$, $p = 0,00$). Таким образом, можно заключить, что мужчины в большей степени склонны к демонстрации скепсиса в отношении пандемии.

Рис. 1. Ковид-скептики: распределение по полу

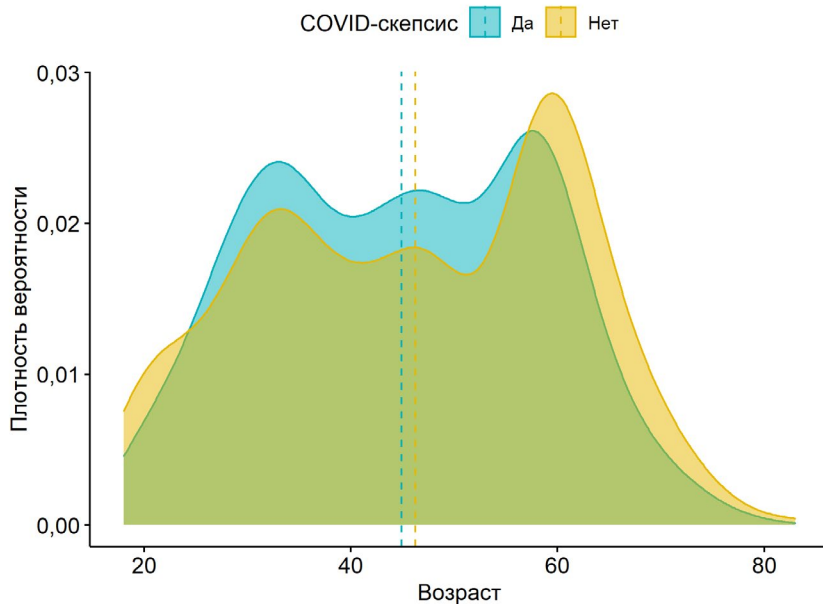
¹³ См. также: Завадская М. COVID-19 и общественные настроения россиян в 2020 году // Riddle Russia. 2021. 10 февраля. URL: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-obshhestvennyie-nastroeniia-rossijan-v-2020-godu/> (дата обращения: 22.12.2021).

¹⁴ Учитывалось как наличие официального диагноза, так и упоминание о перенесенном недомогании, которое сопровождалось симптомами, характерными для COVID-19.

¹⁵ Проводившееся в июне в Санкт-Петербурге совместное исследование ЕУСПБ и клиники «Скандинавия» выявило наличие антител к коронавирусу у 8% жителей города, то есть в целом данные ЦВК дают относительно близкий к реальности показатель заболеваемости (с поправкой на неизбежную погрешность метрики, полагающейся на субъективные свидетельства респондентов). См.: Окончательные результаты первого этапа репрезентативного исследования наличия антител к коронавирусу у петербуржцев // Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2020. 15 июля. URL: <https://euspb.org/news/okonchatelnye-rezultaty-pervogo-etapa-reprezentativnogo-issledovaniya-nalichiya-antitel-k-koronavirusu-u-peterburzhcev> (дата обращения: 22.12.2021).

Возрастные различия между ковид-скептиками и остальным населением просматриваются менее явно. Средний возраст скептиков (44,9 года) чуть меньше среднего возраста людей, воспринимающих пандемию всерьез (46,2 года), но соответствующая разница не дотягивает до классического порога статистической значимости ($\Delta = 1,3$ года, $t = 1,81$, $p = 0,07$ ¹⁶). Однако если посмотреть на возрастные распределения внутри этих групп целиком (см. рис. 2), то можно увидеть, что относительная доля скептиков (отражена голубым цветом) ниже среди молодежи (до 25 лет) и лиц пожилого возраста (60+). Среди лиц среднего и старшего среднего возраста (25—60 лет) ковид-диссидентство распространено в большей степени. Возможно, это стоит соотнести с тем фактом, что граждане соответствующих возрастов составляют основную массу трудоспособного населения страны и в наибольшей степени пострадали от вводимых эпидемиологических и экономических ограничений.

Рис. 2. Возрастная структура группы ковид-скептиков в сравнении с остальным населением страны

Вполне предсказуемо доля ковид-скептиков оказалась ниже среди людей с высшим образованием, хотя и там таковых практически треть (33,1%; см. рис. 3). Среди людей с неполным средним образованием и среди тех, кто окончил 11 классов или профессиональные технические училища, сомнение в отношении пандемии распространено примерно одинаково (доля скептиков составляет 41,5 и 41,1% соответственно).

¹⁶ Здесь и далее разница средних и соответствующая t-статистика приводятся по модулю, так как вместе с ними даются и средние значения для сравниваемых групп, в силу чего не составляет труда понять, в какой группе целевой показатель выражен в большей степени.

Рис. 3. Доля ковид-скептиков в сравнении с остальным населением по уровню полученного образования

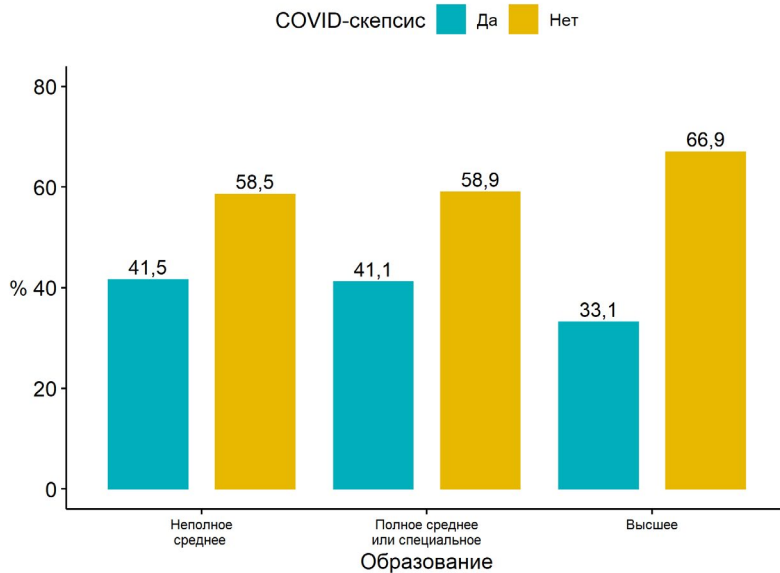
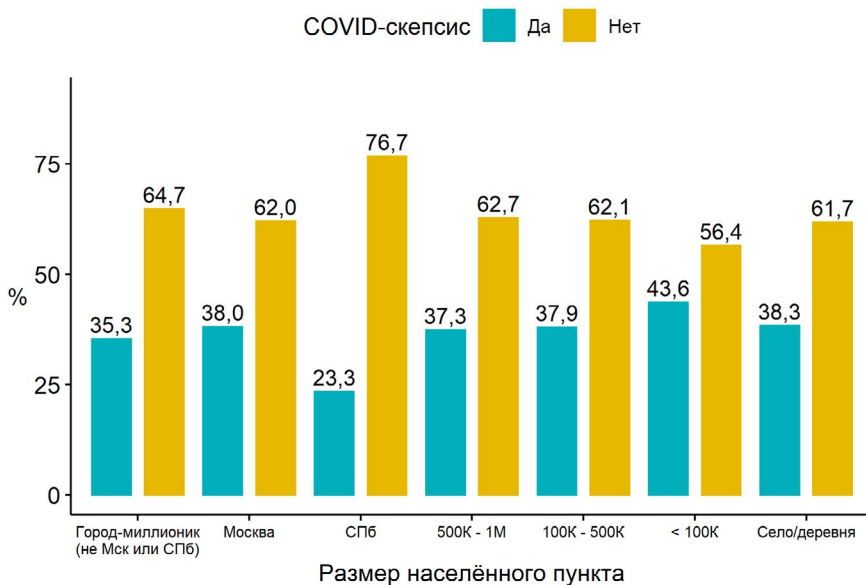

Рис. 4. Доля ковид-скептиков по размеру населенного пункта, в котором проживает респондент

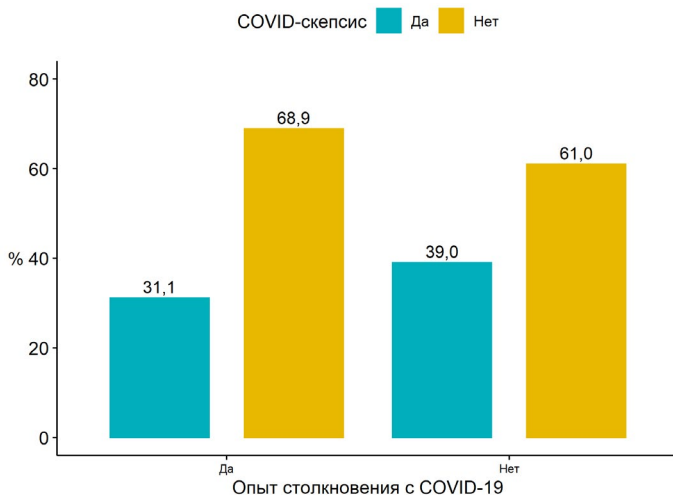

Не удалось обнаружить заметных различий между ковид-скептиками и остальным населением России по таким характеристикам, как среднее число детей (2,30 против 2,24 человек соответственно; $\Delta = 0,06$, $t = 0,79$, $p = 0,35$), средний размер домохозяйства (2,90 против 2,95 человек соответственно; $\Delta = 0,05$, $t = 0,93$, $p = 0,43$), медианный месячный доход семьи (в обеих группах медианной является категория «30 001 — 40 000 рублей»), семейное положение (37,2% скептиков среди состоящих в браке и 39,6% среди остальных; $\chi^2 = 0,74208$, $df = 1$, $p = 0,389$). Размер населенного пункта, в котором проживает респондент, в чуть большей степени связан с восприятием пандемии: в среднем наибольшая доля скептиков характерна для сельской местности (38,3%) и для малых городов (43,6%), хотя отличия от средних городов (37,9%) и даже от Москвы (38%) совсем незначительные. В крупных городах и городах-миллионниках доля скептиков слегка снижается (37,3% и 35,3% соответственно). Выделяется в этом отношении Санкт-Петербург, где меньше четверти населения (23,3%) не верит в серьезность ситуации (см. рис. 4).

Опыт пандемии

Как опыт прямого столкновения с пандемией в той или иной ее ипостаси влияет на восприятие ситуации респондентом? В этом отношении можно выделить следующие результаты. Доля ковид-скептиков ниже среди тех, кто столкнулся с болезнью напрямую (либо непосредственно заразившись коронавирусом или инфекцией с похожими симптомами, либо имея заболевших родственников), чем среди тех, кто подобного опыта не имел: 31,1% против 39,0%. Это различие является статистически значимым ($\chi^2 = 4,1$, $df = 1$, $p = 0,04$) и представляется вполне логичным с содержательной точки зрения: опыт болезни может снижать степень недоверия официальной медицине (см. также рис. 5). Тот факт, что даже в этой группе число скептиков остается сравнительно высоким, может объясняться тем, что многие болели легко, поэтому сильных стимулов для пересмотра своих взглядов у них не было.

Рис. 5. Ковид-скепсис и опыт столкновения с болезнью

Столкновение с негативными экономическими последствиями пандемии и сопутствующих ей ограничений, напротив, положительно связано со склонностью воспринимать происходящее с недоверием. Среди тех, кто потерял работу, перешел на неполный рабочий день или был вынужден закрыть свой бизнес, доля ковид-скептиков почти на 9% выше (см. рис. 6), чем среди тех, кого в финансовом плане пандемия затронула не так сильно (44,9% против 36,1%; разница в пропорциях является статистически значимой: $\chi^2 = 7,8$, $df = 1$, $p = 0,01$). Это наблюдение резонирует с тем, что в возрастных группах, наиболее представленных на рынке труда, ковид-скептики встречаются чаще, и заставляет предположить, что сомнения насчет серьезности ситуации могут подпитываться материальными убытками.

Рис. 6. Ковид-скепсис и экономические последствия пандемии

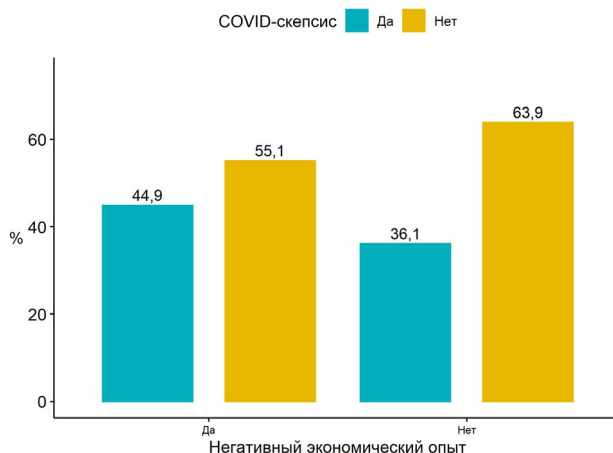
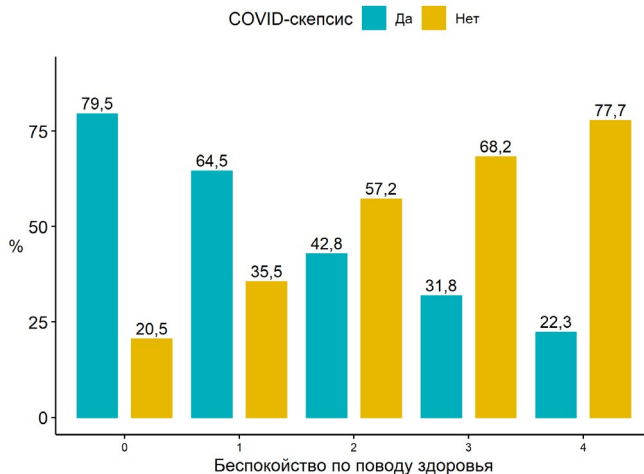

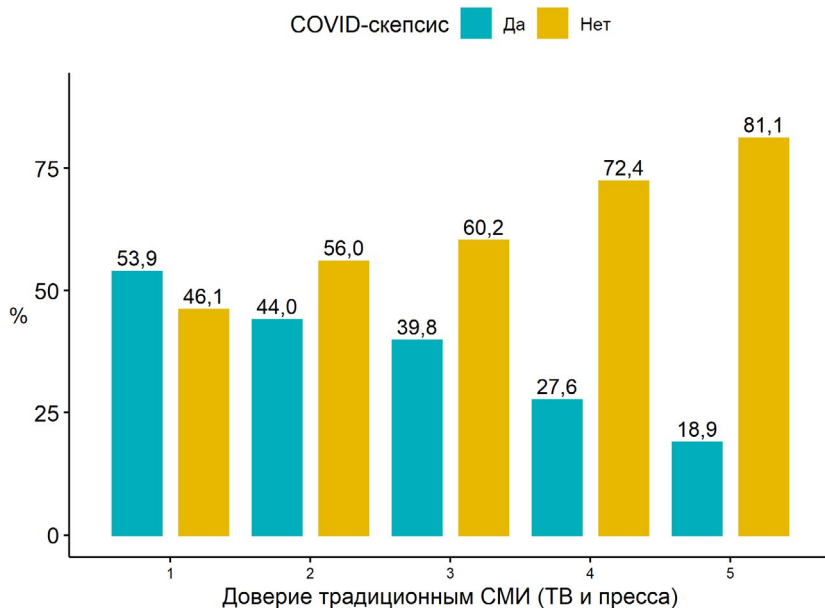
Рис. 7. Ковид-скепсис и беспокойство о собственном здоровье и здоровье близких

Интересно, что с ковид-отрицанием значимо связано только беспокойство о том, что сам респондент или его близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса: для скептиков среднее значение уровня тревоги по данному поводу — всего 2,12 (по шкале от 0 до 4), а для остальных — 3,03 ($\Delta = 0,9$, $t = 13,8$, $p = 0,00$). На рисунке 7 показано, как уменьшается доля ковид-скептиков (с 70 % до 22 %) по мере роста уровня тревожности за собственное здоровье и здоровье близких.

В плане беспокойства насчет возможных экономических последствий коронавирусного кризиса для респондента и его/ее близких значимых различий между скептиками и нескептиками не наблюдается. Средние уровни тревоги в обеих группах при этом являются довольно высокими: 3,03 и 3,08 по шкале от 0 до 4 ($\Delta = 0,05$, $t = 0,79$, $p = 0,43$). Средние значения по шкале депрессии¹⁷ также практически идентичны и равны $-0,08$ при размахе шкалы от $-0,91$ до 3,06 ($\Delta = 0,00$, $t = 0,00$, $p = 0,998$).

Рис. 8. Ковид-скепсис и недоверие традиционным СМИ

Ковид-скептики также в среднем в меньшей степени склонны считать, что другие жители России ведут себя неправильно во время пандемии: 2,23 против 2,45 по шкале от 0 до 4 ($\Delta = 0,22$, $t = 4,45$, $p = 0,00$). Но при этом они испытывают меньше солидарности с согражданами, чем те, кто воспринимает пандемию серьезно¹⁸:

¹⁷ Выраженность депрессивных и тревожных симптомов измерялась с помощью опросника PHQ-4 [Kroenke et al., 2009], к которому был добавлен вопрос о том, насколько часто респондент чувствовал себя одиноким за последние две недели. Индивидуальные значения были рассчитаны с помощью разведывательного факторного анализа.

¹⁸ Впрочем, по укороченной шкале эмпатии Дэвиса [Davis 1983] (использовались 4 вопроса из 28) средние значения для двух групп значимо не различаются ($\Delta = 0,06$, $t = 1,28$, $p = 0,20$).

соответствующие средние значения — 0,26 и 0,47 по шкале от –3 до 3¹⁹ ($\Delta = 0,21$, $t = 2,95$, $p = 0,00$); меньше доверяют традиционным медиа (телевидение и газеты) в противопоставлении с информацией из социальных сетей: 1,59 против 2,21 у нескептиков по шкале от 0 до 4 (где 2 означает равное доверие обоим источникам информации; $\Delta = 0,62$, $t = 9,46$, $p = 0,00$); а также менее оптимистично оценивают общие последствия пандемии для страны²⁰. На рисунке 8 показано, что пропорция ковид-скептиков по мере роста доверия традиционным СМИ снижается с 54 % до 19 %, то есть в 3,5 раза.

Личностные характеристики

В предыдущих разделах было показано, что ковид-скептики отличаются от основной массы российского населения по ряду социально-демографических характеристик, а также в плане опыта столкновения с пандемией и общего ее восприятия. Обладает ли указанная группа вдобавок какими-то специфическими психологическими, ценностными или идеологическими маркерами?

Анкета ЦВК операционализирует психологические характеристики респондентов согласно популярной модели личности, известной как «Большая пятерка» (англ. *Big Five*, см. [Goldberg, 1990; McCrae, Costa, 2008]). Эта модель описывает личность человека в терминах следующих пяти измерений (черт), полагающихся относительно независимыми друг от друга: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, невротизм и открытость опыту. Для измерения черт «Большой пятерки» использовался краткий личностный опросник BFI-10 [Rammstedt, John, 2007]. Теоретический размах значений для всех пяти шкал — от 1 до 5.

Статистически значимых различий между ковид-скептиками и остальными респондентами выявлено не было (см. рис. 9), хотя среднее значение по шкале экстраверсии у первых выше (3,04 против 2,99; $\Delta = 0,04$, $t = 1,47$, $p = 0,14$), равно как и по шкале добросовестности (3,35 против 3,31; $\Delta = 0,04$, $t = 1,03$, $p = 0,30$), а вот уровень невротизма чуть ниже (2,98 против 3,04; $\Delta = 0,06$, $t = 1,35$, $p = 0,18$). Уровни доброжелательности (3,15 и 3,16 соответственно; $\Delta = 0,01$, $t = 0,43$, $p = 0,66$) и открытости опыту (3,24 и 3,26; $\Delta = 0,02$, $t = 0,52$, $p = 0,60$) практически одинаковы в обеих группах.

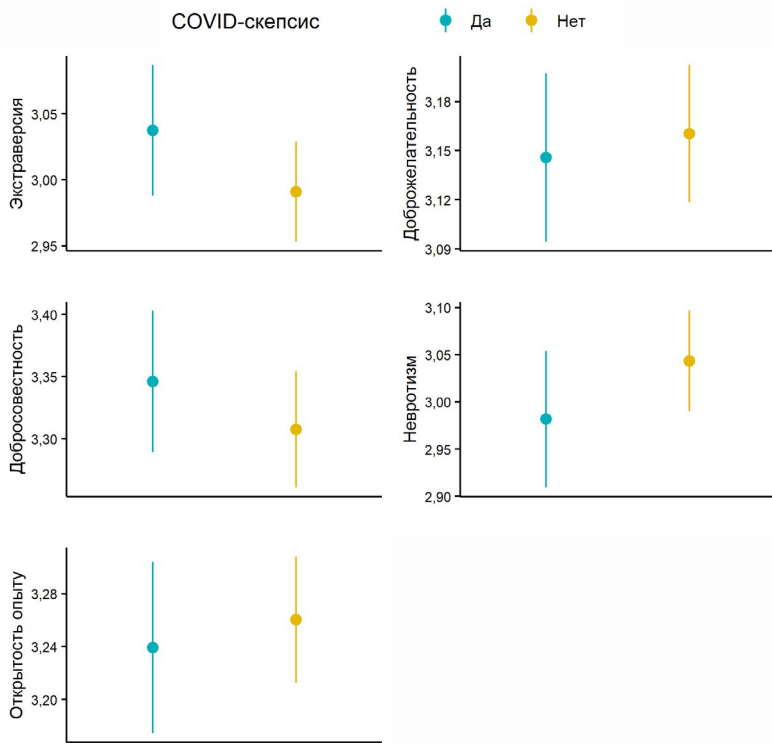
В опроснике ЦВК также представлены две влиятельные модели ценностей: базовые ценности Шаломы Шварца [Schwartz, 1992, 2007] и эмансипативные ценности Кристиана Вельцеля [Welzel, 2013]. Для измерения ценностей Шварца применялся портретный опросник (PVQ-21). При расчете индивидуальных значений по десяти

¹⁹ Негативные значения означают, что в период пандемии респондент стал враждебнее относиться к другим людям; положительные — что он(–а) стал(–а) испытывать больше солидарности с другими людьми по сравнению с обычным своим отношением; 0 означает, что отношение респондента никак не изменилось.

²⁰ Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, как выйдет наша страна из кризиса: сильно пострадает, не изменившись или став сильнее. Большая часть респондентов, 57,6 %, выбрала первый вариант, тогда как оптимистично перспективы выхода из пандемии оценили только 15,3 % (промежуточную позицию заняли 27,1 %). При этом анализ стандартизованных остатков для соответствующей таблицы сопряженности (при нулевой гипотезе о равных пропорциях по столбцам) показывает, что доля ковид-скептиков значительно больше среди «пессимистов» ($CO = 2,21$) и значительно меньше среди «оптимистов» ($CO = -3,45$).

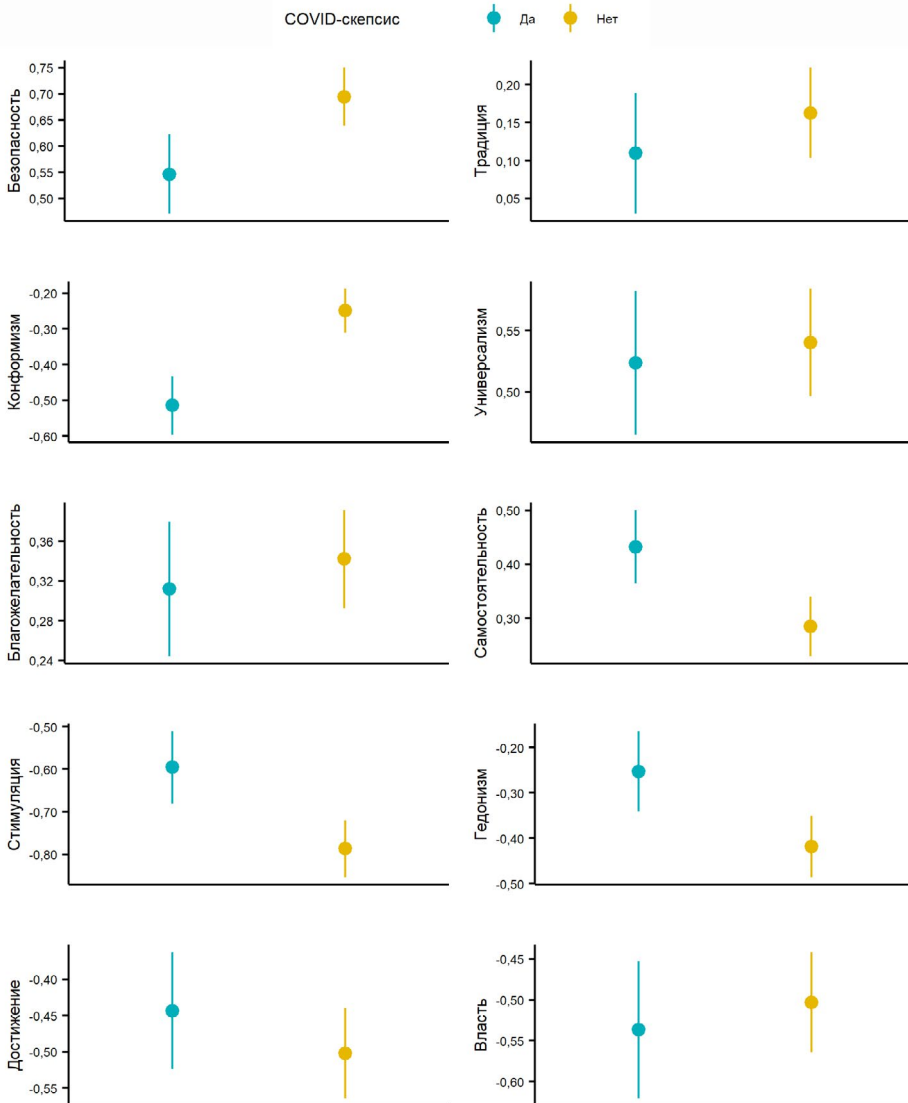
ценностям низкого порядка²¹ использовалась коррекция на стиль ответа, предполагающая центрирование относительно среднего балла респондента по всем 21 вопросу анкеты. Ковид-скептики демонстрируют систематически более низкие оценки по шкалам конформности ($-0,51$ против $-0,25$; $\Delta=0,26$, $t=5,08$, $p=0,00$) и безопасности ($0,55$ против $0,69$; $\Delta=0,14$, $t=3,10$, $p=0,00$), относящимся к ценностям сохранения, а также систематически более высокие оценки по шкалам самостоятельности ($0,43$ против $0,28$; $\Delta=0,15$, $t=3,30$, $p=0,00$), стимуляции ($-0,60$ против $-0,79$; $\Delta=0,19$, $t=3,48$, $p=0,00$) и гедонизма ($-0,25$ против $-0,42$; $\Delta=0,17$, $t=2,91$, $p=0,00$), относящимся к ценностям открытости изменениям.

Рис. 9. «Большая пятерка» личностных черт: ковид-скептики vs. остальное население

²¹ Согласно теории Шварца, индивидуальные ценности можно представить в виде так называемого кругового мотивационного континуума, в котором выделяются четыре ценностных измерения высокого порядка, попарно противопоставленные друг другу: ценности сохранения против ценностей открытости и ценности самопреодоления против ценностей самоутверждения. Каждому из этих измерений соответствуют несколько ценностей низкого порядка. В новой версии ценностной модели Шварца фигурирует 19 низкоуровневых ценностей [Schwartz et al., 2012; Шварц и др., 2012], но в анкете ЦВК использовалась более старая версия опросника, в которой отражены только 10 таких ценностей: шкалы безопасности, традиции и конформизма относятся к ценностям сохранения; шкалы универсализма и благожелательности — к ценностям самопреодоления; шкалы самостоятельности, стимуляции и гедонизма — к ценностям открытости изменениям; шкалы достижения и власти — к ценностям самоутверждения (следует отметить, что гедонизм может рассматриваться как пограничная категория между смежными ценностями открытости и самоутверждения).

Рис. 10. Ценности Ш. Шварца: ковид-скептики vs. остальное население

Сравнение по двум компонентам эмансипативных ценностей²², включенных в анкету ЦВК, дало статистически незначимые результаты. Средние значения по шкале ценностей выбора²³ (часть шкалы эмансипативных ценностей) для

²² Эмансипативные ценности [Welzel, 2013] являются развитием известных концепций ценностей постматериализма и ценностей самовыражения [Inglehart, 1977; Inglehart, Welzel, 2005].

²³ Данное ценностное измерение отражает, насколько допустимыми респондент считает следующие три практики, относящиеся к сфере сексуальности и репродуктивного поведения: гомосексуальность, аборты и разводы.

ковид-скептиков и остального населения равняются 0,45 и 0,46 соответственно (по шкале от 0 до 1) ($\Delta = 0,01$, $t = 0,54$, $p = 0,59$). Различия по шкале ценностей гендерного равенства²⁴ также минимальны: 0,61 и 0,62 по шкале от 0 до 1 для скептиков и остального населения ($\Delta = 0,01$, $t = 1,14$, $p = 0,26$).

В плане религиозности, а именно таких ее атрибутов, как важность религии для респондента, субъективная оценка собственной религиозности и частота посещений церкви, особых различий между скептиками и всеми остальными не наблюдается. Средние значения важности религии в этих группах составляют 2,63 и 2,59 (по шкале от 1 до 4) соответственно ($\Delta = 0,04$, $t = 0,8$, $p = 0,43$). И те, и другие чаще всего определяют себя как религиозных людей (48,7 % и 47,3 %), чем как нерелигиозных (34,5 % и 35,7 %) или атеистов (16,8 % и 17 %), но в целом скептики и нескептики представлены с одинаковой частотой во всех трех категориях, выделенных по признаку религиозности ($\chi^2 = 0,32$, $df = 2$, $p = 0,85$). Наконец, в обеих группах медианным значением частоты посещения церкви является категория «Реже, чем раз в год». Похожая картина наблюдается и в отношении удовлетворенности жизнью: значимых различий между скептиками и всеми остальными не наблюдается ни по удовлетворенности жизнью в целом (5,72 против 5,91 по шкале от 1 до 10; $\Delta = 0,17$, $t = 1,41$, $p = 0,16$), ни по средним значениям фактора, основанного на блоке вопросов об удовлетворенности разными сферами жизни (-0,55 против -0,47; $\Delta = 0,08$, $t = 1,53$, $p = 0,13$).

Что касается социально-политических установок, то здесь можно выделить следующие результаты. Средний показатель национальной гордости статистически значимо ниже среди ковид-скептиков: 2,95 против 3,2 по шкале от 1 до 4 ($\Delta = 0,25$, $t = 4,47$, $p = 0,00$). Подобная картина наблюдается и в плане отношения к глобализации и кооперации с другими странами — соответствующие средние значения равны 3,54 против 3,95 по шкале от 1 до 10 ($\Delta = 0,41$, $t = 2,76$, $p = 0,01$). Кроме того, ковид-скептики в среднем придерживаются более ограничительных взглядов по вопросам миграции в страну: 2,38 против 2,22 по шкале от 1 до 4, где 4 — это наиболее негативная позиция по отношению к миграции ($\Delta = 0,16$, $t = 3,38$, $p = 0,00$). Также они в меньшей степени соглашаются с утверждением о том, что этническое разнообразие обогащает общество: 5,9 против 6,25 по шкале от 1 до 10 ($\Delta = 0,35$, $t = 2,39$, $p = 0,02$). Однако по стандартной идеологической шкале «лево-право» (от 1 до 10) позиции представителей этой группы в целом не отличаются от обычных респондентов (впрочем, здесь можно отметить погранично значимый «левый уклон»: 5,02 против 5,19; $\Delta = 0,17$, $t = 1,74$, $p = 0,08$).

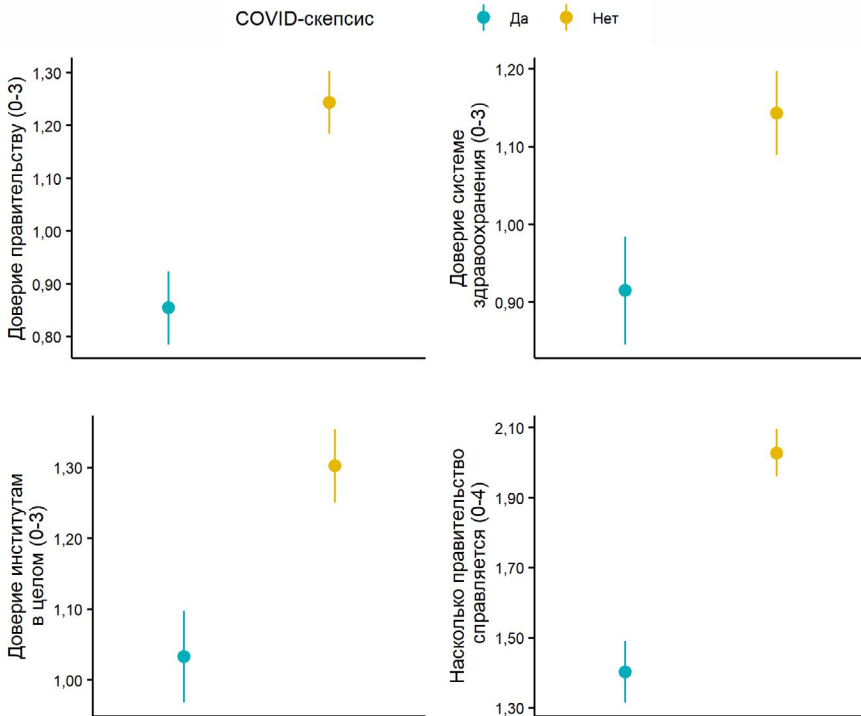
Наблюдается также некоторая разница в уровне межличностного доверия, которое у ковид-диссидентов ниже и составляет в среднем 3,04 по шкале от 1 до 4 по сравнению с 3,11 для остального населения ($\Delta = 0,07$, $t = 2,23$, $p = 0,03$). Статистически значимых отличий в средних значениях уровня деперсонифицированного доверия нет: соответствующие цифры равняются 1,89 для ковид-скептиков и 1,94 для остального населения ($\Delta = 0,05$, $t = 1,36$, $p = 0,17$). Также не отличаются средние позиции по вопросу о том, насколько другие люди склон-

²⁴ Данная шкала отражает, насколько респондент (не) согласен с утверждениями о том, что (а) мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины; (б) университетское образование является более важным для юношей, чем для девушек; и (в) при недостатке рабочих мест приоритет должен отдаваться кандидатам-мужчинам.

ны вести себя честно: 4,47 против 4,64 по шкале от 1 до 10 ($\Delta=0,17$, $t=1,36$, $p=0,18$).

А вот в плане политического и, шире, институционального доверия ковид-скептики выделяются достаточно сильно (см. рис. 11). Среди сомневающихся в опасности коронавируса средний уровень доверия правительству составляет всего 0,85 по шкале от 0 до 3, тогда как для остальных респондентов — 1,24 ($\Delta=0,39$, $t=8,35$, $p=0,00$). Скептики также меньше доверяют системе здравоохранения (0,92 против 1,14; $\Delta=0,22$, $t=5,11$, $p=0,00$) и институтам страны в целом (1,03 против 1,3; $\Delta=0,27$, $t=6,37$, $p=0,00$). Кроме того, они значительно хуже оценивают деятельность правительства по борьбе с эпидемией (1,4 против 2,03 по шкале от 0 до 4; $\Delta=0,63$, $t=11,11$, $p=0,00$). Наконец, данная категория респондентов отличается несколько меньшим пиететом по отношению к правительству: только 49,2% ее представителей считает рост уважения к властям положительным явлением — по сравнению с 56,4% среди нескептиков. При этом 15,2% склонны оценивать его негативно (против 9,8%; в нейтральном ключе высказались 35,6% и 33,7% соответственно). Данные различия являются статистически значимыми: $\chi^2=12,57$, $df=2$, $p=0,00$.

Рис. 11. Институциональное доверие и политическая поддержка: ковид-скептики vs. остальное население

Заключение

Результаты анализа данных первой волны международного проекта «Ценности в кризисе» показывают, что в июне 2020 г. в Российской Федерации 38% опрошенных выражали согласие с утверждением, что текущая пандемия коронавируса является обманом, а введение ограничительных мер — чрезмерной реакцией на происходящее. Столь высокие показатели были выявлены только в постсоветских странах — участницах проекта, поэтому можно предположить, что наличие в «анамнезе» советского прошлого связано с большей склонностью к скептическому восприятию населением кризисных ситуаций наподобие пандемии (особенно с учетом различных политических траекторий России и Грузии).

Среди включенных в анкету ЦВК социально-демографических характеристик статистически значимыми коррелятами ковид-скепсиса являются пол, образование, а также — с некоторыми оговорками — тип населенного пункта: мужчины чаще становятся ковид-скептиками, чем женщины; наличие высшего образования снижает склонность к недоверию по отношению к пандемии; проживание в сельской местности или в малых городах эту склонность усиливает. Впрочем, обнаруженные различия вполне предсказуемы и не кажутся значительными с содержательной точки зрения.

Тот факт, что ковид-скептицизм чуть менее распространен среди молодежи и пожилых людей — то есть групп, в меньшей степени представленных на рынке труда, — но при этом чаще фиксируется среди тех, кто понес какой-то материальный ущерб во время пандемии (потерял работу/бизнес или перешел на неполную занятость), а также в целом более высокий уровень (в среднем по выборке) «экономической» тревоги, нежели беспокойства за собственное здоровье или здоровье близких, позволяет предположить, что материальные факторы повышают склонность россиян к критическому восприятию пандемии (которое может выступать в роли своеобразной стратегии избегания). Опыт прямого столкновения с болезнью и страх заражения также обладают «отрезвляющим» эффектом, хотя и не самым ярко выраженным: даже среди переболевших и имеющих переболевших близких более 30% можно отнести к ковид-скептикам.

Представляется любопытным, что, несмотря на активную фронду части клира и прихожан РПЦ по отношению к эпидемиологической политике правительства на начальном этапе пандемии, не удалось обнаружить значимых отличий ковид-скептиков от остального населения ни по одному из доступных в анкете ЦВК индикаторов религиозности. Другим интересным «нулевым» результатом является отсутствие различий по всем личностным чертам, выделяемым в рамках модели «большой пятерки», что может интерпретироваться как признак того, что ковид-скептицизм не связан (по крайней мере — напрямую) с глубинными психологическими характеристиками. С другой стороны, данные свидетельствуют, что ковид-скептики демонстрируют более низкую приверженность ценностям сохранения (в терминах Ш. Шварца), но при этом имеют более высокие значения по ценностям открытости изменениям.

Эти наблюдения позволяют предположить, что в плане своих базовых ценностей ковид-скептики все же отличаются от основной массы российского населения. А именно тем, что для них в меньшей степени важен сложившийся статус-кво,

но зато они в большей степени открыты новому опыту и не боятся неопределенности, которая сопровождает любые трансформации. Данный результат представляется во многом парадоксальным, так как именно высокая неопределенность и вызываемый ею недостаток контроля, согласно доминирующему в литературе взгляду, способствуют формированию конспирологического мышления. Так или иначе, подобные установки могут подпитывать недоверие к существующему социальному порядку, в том числе к политическим и медицинским институтам.

Кроме того, ковид-скептиков отличает низкий уровень патриотизма и солидарности с согражданами, большой уровень неприятия представителей иных групп и склонность к политическому изоляционизму. Таким образом, речь идет о более атомизированных индивидах, сконцентрированных на себе и локальных вопросах, дистанцирующихся не только от явных аутгрупп, но и в целом от социума, в котором они живут.

С практической точки зрения наиболее важной характеристикой ковид-скептиков является низкий уровень институционального доверия. Если в плане доверия другим людям данная группа практически не отличается от основной массы респондентов, то в отношении доверия политической и здравоохранительной системам, традиционным СМИ и институтам страны в целом они настроены куда более критично. Они также в меньшей степени поддерживают действия государства по противодействию пандемии. Данный результат хорошо согласуется с описанным выше приоритетом ценностей открытости опыту над ценностями сохранения (то есть важностью сложившегося порядка вещей) в этой группе.

С учетом выводов других исследований со схожей тематикой на российском материале [Макушева, Нестик, 2020] можно утверждать, что именно низкий уровень доверия институтам является фактором, способствующим столь широкому распространению недостаточно серьезного отношения к пандемии COVID-19 среди российских граждан и проистекающих из него негативных поведенческих эффектов (пренебрежение стандартными гигиеническими практиками, нежелание вакцинироваться и т. д.). Государственная политика в сфере борьбы с пандемией должна в дальнейшем учитывать этот результат и включать в себя меры по преодолению массового ковид-скептицизма и повышению уровня доверия властям в целом и здравоохранительным институтам в частности.

Список литературы (References)

- Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
- Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)

Бобровская Е. В. Влияние конспирологических теорий на государственную политику в сфере здравоохранения: ВИЧ-диссидентство в России и за рубежом // Политическая наука. 2017. № 5. С. 149—164.

Bobrovskaya E. V. (2017) The Impact of Conspiracy Theories on State Healthcare Policy: The Problem of HIV-Denialism in Russia and Abroad. *Political Science (RU)*. No. 5. P. 149—164. (In Russ.)

Климова А. М., Чмель К. Ш., Савин Н. Ю. Верю-не-верю: общественное мнение и слухи о происхождении нового коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 266—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752>.

Klimova A. M., Chmel K. S., Savin N. Y. (2020) Believe It or Not: Public Opinion and Rumors About COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 266—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752>. (In Russ.)

Кочкина Е. В. Самоохранительное поведение в период пандемии // Социодиггер. 2020. Т. 1. № 4. С. 23—30. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-4/>.
Kochkina E. V. (2020) Self-Protective Behaviour during the Pandemic. *Sociodigger*. Vol. 1. No. 4. P. 23—30. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-4/>. (In Russ.)

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.

Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>. (In Russ.)

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43—70.

Schwartz Sh., Butenko T., Sedova D., Lipatova A. (2012) A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 2. P. 43—70. (In Russ.)

Яблоков И. Русская культура заговора: конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина паблишер, 2020.

Yablokov I. (2020) Fortress Russia: Conspiracy Theories in the Post-Soviet World. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Achimescu V., Sultanescu D., Sultanescu D. C. (2020) The Pathway from Distrusting Western Actors to Non-Compliance with Public Health Guidance during the COVID-19 Crisis in Romania. *SocArXiv Preprints*. <https://doi.org/10.31235/osf.io/bu45a>.

Ahmed W., Vidal-Alaball J., Downing J., Seguí F. L. (2020) COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 5. <https://doi.org/10.2196/19458>.

Ball P., Maxmen A. (2020) The Epic Battle against Coronavirus Misinformation and Conspiracy Theories. *Nature*. No. 581. P. 371—374. <https://doi.org/10.1038/d41586-020-01452-z>.

Barkun M. (2003) *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkeley, CA: University of California Press.

Čavojsková V., Šrol J., Jurkovič M. (2020) Why Should We Try to Think Like Scientists? Scientific Reasoning and Susceptibility to Epistemically Suspect Beliefs and Cognitive Biases. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 34. No. 1. P. 85—95. <https://doi.org/10.1002/acp.3595>.

Cinelli M., Quattrociocchi W., Galeazzi A., Valensise C. M., Brugnoli E., Schmidt A. L., Zola P., Zollo F., Scala A. (2020) The COVID-19 Social Media Infodemic. *Scientific Reports*. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.

Croucher S. M., Nguyen T., Rahmani D. (2020) Prejudice toward Asian Americans in the COVID-19 Pandemic: The Effects of Social Media Use in the United States. *Frontiers in Communication*. Vol. 5. No. 39. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.00039>.

Davis M. H. (1983) Measuring Individual Differences in Empathy: Evidence for a Multidimensional Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 44. No. 1. P. 113—126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>.

Dhanani L. Y., Franz B. (2021) Why Public Health Framing Matters: An Experimental Study of the Effects of COVID-19 Framing on Prejudice and Xenophobia in the United States. *Social Science & Medicine*. Vol. 269. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113572>.

Diethelm P., McKee M. (2009) Denialism: What Is It and How Should Scientists Respond? *The European Journal of Public Health*. Vol. 19. No. 1. P. 2—4. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckn139>.

Douglas K. M., Uscinski J. E., Sutton R. M., Cichocka A., Nefes T., Ang Ch. S., Deravi F. (2019) Understanding Conspiracy Theories. *Political Psychology*. Vol. 40. No. S1 P. 3—35. <https://doi.org/10.1111/pops.12568>.

Goldberg L. R. (1990) An Alternative 'Description of Personality': The Big-Five Factor Structure. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59. No. 6. P. 1216—1229. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1216>.

Heller J. (2015) Rumors and Realities: Making Sense of HIV/AIDS Conspiracy Narratives and Contemporary Legends. *American Journal of Public Health*. Vol. 105. No. 1. P. 43—50. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2014.302284>.

Imhoff R., Lamberty P. (2020) A Bioweapon or a Hoax? The Link between Distinct Conspiracy Beliefs about the Coronavirus Disease (COVID-19) Outbreak and Pandemic Behavior. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 11. No. 8. P. 1110—1118. <https://doi.org/10.1177/1948550620934692>.

Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press.

Kroenke K., Spitzer R. L., Williams J. B. W., Löwe B. (2009) An Ultra-Brief Screening Scale for Anxiety and Depression: The PHQ-4. *Psychosomatics*. Vol. 50. No. 6. P. 613—621. <https://doi.org/10.1176/appi.psy.50.6.613>.

Lazarević L. B., Purić D., Teovanović P., Lukić P., Zupan Z., Knežević G. (2021) What Drives Us to Be (Ir)responsible for Our Health during the COVID-19 Pandemic? The Role of Personality, Thinking Styles, and Conspiracy Mentality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 176. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110771>.

Miller J. M. (2020) Psychological, Political, and Situational Factors Combine to Boost COVID-19 Conspiracy Theory Beliefs. *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique*. Vol. 53. No. 2. P. 327—334. <https://doi.org/10.1017/S000842392000058X>.

Nowak B., Brzóska P., Piotrowski J., Sedikides C., Żemojtel-Piotrowska M., Jonason P. K. (2020) Adaptive and Maladaptive Behavior during the COVID-19 Pandemic: The Roles of Dark Triad Traits, Collective Narcissism, and Health Beliefs. *Personality and Individual Differences*. Vol. 167. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110232>.

McCrae R. R., Costa Jr. P. T. (2008) The Five-Factor Theory of Personality. In: John O. P., Robins R. W., Pervin L. A. (eds.) *Handbook of Personality: Theory and Research*. New York, NY: Guilford Press. P. 159—181.

van Mulukom V., Pummerer L., Alper S., Bai H., Cavojeva V., Esther Machado Farias J., Kay C. S., Lazarevic L., Lobato E. J. C., Marinthe G., Banai I. P., Šrol J., Zezelj I. (2020) Antecedents and Consequences of COVID-19 Conspiracy Theories: A Systematic Review. *PsyArXiv Preprints*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/u8yah>.

van Prooijen J.-W., van Vugt M. (2018) Conspiracy Theories: Evolved Functions and Psychological Mechanisms. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 13. No. 6. P. 770—788. <https://doi.org/10.1177/1745691618774270>.

Rammstedt B., John O. P. (2007) Measuring Personality in One Minute or Less: A 10-Item Short Version of the Big Five Inventory in English and German. *Journal of Research in Personality*. Vol. 41. No. 1. P. 203—212. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2006.02.001>.

Rothmund T., Farkhari F., Azevedo F., Ziemer C. (2020) Scientific Trust, Risk Assessment, and Conspiracy Beliefs about COVID-19 — Four Patterns of Consensus and Disagreement between Scientific Experts and the German Public. *PsyArXiv Preprints*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/4nzuy>.

Rykov Yu. G., Meylakh P. A., Sinyavskaya Ya. (2017) Network Structure of an AIDS-Denialist Online Community: Identifying Core Members and the Risk Group. *American Behavioral Scientist*. Vol. 61. No. 7. P. 688—706. <https://doi.org/10.1177/0002764217717565>.

Schmid Ph., Schwarzer M., Betsch C. (2020) Weight-of-Evidence Strategies to Mitigate the Influence of Messages of Science Denialism in Public Discussions. *Journal of Cognition*. Vol. 3. No. 1. P. 1—17. <http://doi.org/10.5334/joc.125>.

Stein R. A., Ometa O., Pachtman Shetty S., Katz A., Popitui M. I., Brotherton R. (2021) Conspiracy Theories in the Era of COVID-19: A Tale of Two Pandemics. *The International Journal of Clinical Practice*. Vol. 75. No. 2. <https://doi.org/10.1111/ijcp.13778>.

Schwartz Sh. H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. P. 1—65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).

Schwartz Sh. H. (2007) Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations. In: Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G. (eds.) *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage. P. 169—203. <https://dx.doi.org/10.4135/9781849209458.n9>.

Schwartz Sh. H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. (2012) Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103. No. 4. P. 663—688. <https://doi.org/10.1037/a0029393>.

Shahsavari S., Holur P., Wang T., Tangherlini T. R., Roychowdhury V. (2020) Conspiracy in the Time of Corona: Automatic Detection of Emerging COVID-19 Conspiracy Theories in Social Media and the News. *Journal of Computational Social Science*. Vol. 3. No. 2. P. 279—317. <https://doi.org/10.1007/s42001-020-00086-5>.

Törnberg P. (2018) Echo Chambers and Viral Misinformation: Modeling Fake News as Complex Contagion. *PLoS One*. Vol. 13. No. 9. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203958>.

Uscinski J. E., Enders A. M., Klofstad C., Seelig M., Funchion J., Everett C., Wuchty S., Premaratne K., Murthi M. (2020) Why Do People Believe COVID-19 Conspiracy Theories? *Harvard Kennedy School Misinformation Review*. Vol. 1. No. 3. <https://doi.org/10.37016/mr-2020-015>.

Valenzuela S., Halpern D., Katz J. E., Miranda J. P. (2019) The Paradox of Participation versus Misinformation: Social Media, Political Engagement, and the Spread of Misinformation. *Digital Journalism*. Vol. 7. No. 6. P. 802—823. <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1623701>.

Welzel C. (2013) *Freedom Rising*. New York, NY: Cambridge University Press.